

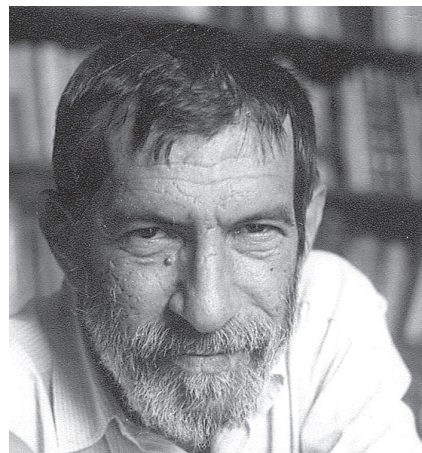
«Поучительная и ужасная поездка»

ДЁРДЬ
ПЕТРИ

Интервью венгерского поэта Дёрдя Петри журналистке Марии Пап¹

Воспоминания о поездке в СССР в октябре 1971 года – часть интервью венгерского поэта Дёрдя Петри журналистке Марии Пап. Петри – возможно, последний «поколенческий» венгерский поэт; его тексты, несмотря на значительность поэтической и политической фигуры автора, практически не знакомы российскому читателю², и это большое упущение, учитывая, насколько явные и прочные смысловые нити связывают его как с эстетическими путями позднесоветской неофициальной литературы, так и с общей историей СССР и Восточной и Центральной Европы (достаточно упомянуть несколько стихотворений из сборника «Они считают, что» 1985 года: «If» о Горьком на Капри, «Предположительно» – в нем фигурируют Бухарин и Беломорканал, или «Памяти Леонида Ильича Брежнева»).

Рассказ о поездке в СССР – известный жанр для авторов «стран народной демократии». У Петри в этом смысле были

Дёрдь Петри (1943–2000) – венгерский поэт, переводчик и журналист.

- 1 Фрагмент серии интервью 1989 года, которые Петри дал Марии Пап. Запись, сделанная 13-го и 18 апреля, опубликована в: PETRI G. *“Tanulságos és szörnyű utazás”* // Holmi. 2010. № XXII. P. 848–861.
- 2 На русском языке стихи Петри публиковались в журнале «Иностранная литература» (1998. № 10; 2001. № 3) в переводах Юрия Гусева, а также в ряде научных статей в нашем переводе.

АРХИВ «НЗ»

в венгерской литературе примечательные предшественники, например, Дюла Ийеш с книгой «Россия. 1934»³ – и последователи: современный венгерский писатель Адам Бодор с макабрической статьей «Венгерский писатель за границей, зимой»⁴. Опыт Петри, как становится очевидно из интервью, оказался довольно радикальным: поэт не выдержал и покинул Советский Союз раньше времени. Ряд мотивов, фигурирующих в интервью, тесно связан с биографией автора и основными вехами его жизни⁵.

Дёрдь Петри родился 22 декабря 1943 года в Будапеште. Предки родителей Петри могут служить прекрасной иллюстрацией этнического разнообразия населения Венгрии: среди них были сербы, евреи, буневцы⁶, швабы, словаки, моравы. Отец и мать Петри долгое время жили в Белграде, затем, во время Второй мировой войны, переехали в Будапешт. Отец умер рано, воспитанием мальчика занималась многочисленная родня. По собственному признанию Петри, осознание поэтического призвания пришло к нему довольно рано, в 11–12 лет, а в 1960-м литературный еженедельник «Жизнь и литература» («Élet és Irodalom») впервые опубликовал стихотворение семнадцатилетнего поэта. Сам Дёрдь Петри, однако, своей первой публикацией остался недоволен и впоследствии не позволял повторно издавать написанных им до двадцати лет стихотворений.

После окончания школы (расположенной в Буде известной будапештской гимназии имени Ференца Толди) Петри посвятил несколько лет поискам пути: думая о карьере психиатра, работал в Реабилитационном центре аддиктологии и психиатрии в Интахазе⁷, планировал поступать на экономический, а затем и на юридический факультет, параллельно зарабатывая на жизнь корректором в Государственном предприятии по распространению книг. В 1966 году Петри поступил на отделение венгерского языка и философии Будапештского университета имени Лоранда Этвеша, где успел поучиться и у специалиста по античной философии Эндре Шимона, и у знаменитого ученика Дёрдя Лукача⁸ – Дёрдя Маркуша, – одного из представителей Будапештской школы. Знакомство с университетскими

3 Ийеш Д. *Россия. 1934*. М.: Хроникер, 2005.

4 Бодор А. *Magyar író külföldön, télen* // *Élet és Irodalom*. 2005. Január 7. P. 9.

5 Подробнее о творчестве Петри см.: Якименко О.А. *Дёрдь Петри – «проклятый поэт» поколения 1970–1980 годов // Феномен поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков*. СПб.; Екатеринбург, 2022. С. 364–379.

6 Этническая группа южных славян, проживающих в исторической области Бачка в крае Воеводина, который сегодня входит в состав Сербии.

7 В этом лечебном учреждении разворачивается действие популярной в конце 1950-х автобиографической книги доктора Иштвана Бенедэка «Золотая клетка».

8 Дьёрдь Лукач (1885–1971) – венгерский философ-неомарксист, критик, литературовед, основатель «Будапештской школы» марксизма.

неомарксистами во многом определило «шестидесятнический» характер мировоззрения Петри: на этом этапе философы – ученики и ученицы Лукача – выступали за гуманистическое и расширенное понимание марксизма, превратившегося к тому времени в официозную, не допускающую множественных трактовок идеологию. Именно поэтому передать книги Лукача представителям ленинградского андерграунда казалось Петри такой важной задачей. Однако, как видим из интервью, это предприятие привело к неожиданному результату и серьезно переосмыслению прежних идеалов.

В 1966–1967 годах происходит знакомство Петри (очное и заочное) с поэтами, чье творчество во многом определит и его собственный поэтический голос: с ровесником Петри, студентом отделения венгерского языка и литературы, впоследствии бессменным сотрудником издательства «Европа», специалистом по англоязычной поэзии Саболчем Варади и с двумя крупнейшими представителями европейской поэзии – Томасом Элиотом и Константиносом Кавафисом, объединенным приверженностью к «ученой традиции» и стремлением к эмоциональной нейтральности, «объективному корреляту»; их произведения в шестидесятые довольно активно переводили на венгерский. Еще одним важным литературным впечатлением того периода стало ознакомление с «Новой жизнью» Данте. Если продолжить список «поэтических авторитетов» Петри, кажется вполне логичным, что из русских поэтов-современников Петри выделял Иосифа Бродского, встречу с которым описывает в интервью и стихотворение которого перевел (с английского).

Вторжение советских войск в Чехословакию в 1968 году заставило многих сторонников гуманистической версии марксизма серьезно пересмотреть свои политические взгляды. Для Петри это событие стало по-настоящему переломным: не получив диплома, он бросил университет и, подобно многим представителям своего поколения, отказался играть по правилам, «институализироваться», предпочитая случайные заработки в качестве составителя аннотаций для библиотекарей, статиста на киностудии или интервьюера в ходе социологических исследований. Не случайно вопрос об отношении к событиям 1968 года становится для Петри лакмусовой бумажкой и при знакомстве с советскими коллегами.

Первый сборник Петри «Пояснения для М.» («Magyarázatok M. Számára») вышел в 1971 году и сразу обратил на себя внимание как исключительно зрелое, выверенное и самостоятельное поэтическое высказывание. В книгу вошли стихотворения, написанные в период с 1968-го по 1970 год, и в них уже отчетливо просматриваются характерные для автора трагический пафос, ощущение разочарования, потери иллюзий и, одновре-

ДЁРДЬ ПЕТРИ

«ПОУЧИТЕЛЬНАЯ
И УЖАСНАЯ ПОЕЗДКА»...

менно, ироничная интонация, склонность к гротеску. Поэт заявляет о своем выборе: ради личной свободы он готов пожертвовать всем, включая собственную жизнь, и задает программу собственного творчества, одной из центральных тем которого станет историческая память и работа с ней. Историческое событие у Петри всегда одновременно присутствует и в прошлом, где его непосредственные участники не всегда осознают масштаб происходящего, и продолжает преосуществляться в настоящем, где его сакральный смысл вдруг проступает в повседневности.

В 1974 году увидел свет второй сборник стихов Петри «Подробно описанное падение» («Körülírt zuhanás»). В нем политическая позиция автора выражена уже куда более отчетливо и радикально: он окончательно отмежевывается и от официальной, разрешенной литературной «тусовки», и от андерграунда. Почти все тексты сборника написаны от первого лица, а если и имеют адресата, как явно обращенное к сверстнику стихотворение «К В.С.», то повествуют о неспособности общих воспоминаний объединить представителей одного поколения. Как и сам Петри, его современники ощущали себя узниками «некоего положения, / назвать которое одиночеством / было бы преувеличением, / а независимостью – самообманом». «Подробно описанное падение» в еще большей степени становится манифестом целого поколения. Помимо полемики с привычными топосами венгерской поэзии (одно из самых резких стихотворений сборника – «Из песен свиньи» – переключка с программным текстом Аттилы Йожефа «Родина моя»), важнейшим мотивом сборника стало ощущение, будто время остановилось. Следующий сборник Петри, который выйдет через семь лет, будет называться «Вечный понедельник» («Örökhétfő»).

Причиной столь длительного перерыва стало не только стремление функционеров от культуры оттеснить явно заметного, но слишком уж неудобного и непредсказуемого поэта на литературную периферию. Относительно либеральный в плане выражения собственного мнения период конца 1960-х – начала 1970-х подходил к концу. Венгрия, как и «старший брат», погружалась в трясину глубокого застоя. С середины 1970-х Дёрдь Петри стал активно участвовать в различных неофициальных и оппозиционных политических начинаниях. В 1979-м вместе с тридцатью представителями венгерской интеллигенции Петри подписал открытое письмо Яношу Кадару, в котором ученые, литераторы, преподаватели, архитекторы выразили протест против репрессий в отношении создателей и подписантов Хартии-77, программного документа группы политических диссидентов в Чехословакии. Участие в этой акции стоило поэту стипендии Морица (ежемесячные выплаты по ней

составляли серьезную по тем временам сумму) и запрета на официальные публикации. Последующие несколько лет Петри жил на деньги, которые собирали для него всем миром. Можно сказать, он окончательно утвердился в своем статусе «поэта поколения» – ведь он в полной мере существовал теперь в том пространстве, в котором и формировалась естественная, не заданная сверху культура эпохи. С именем Дёрдя Петри в эти годы также связан и феномен венгерского самиздата⁹ – масштабной сети независимых (и, естественно, незаконных) издательств, выпускавших и продававших литературу, опубликовать которую в государственных издательствах было невозможно. В 1981 году Петри стал соредактором самого авторитетного самоиздатовского журнала «Беселе» («Beszélő»).

Решительное нежелание подвергать свои тексты какой-либо цензуре, в том числе и самоцензуре, стремление называть вещи своими именами в обществе, где для культуры существовали жесткие идеологические фильтры, делали стихи Петри необычайно популярными среди читателей неофициальной, диссидентской литературы. «Вечный понедельник» стал первой поэтической книгой, выпущенной венгерским самиздатом (издательством «AB Független Kiadó»). И для соотечественников Петри, и для зарубежных читателей (в 1982 году сборник вышел в Бельгии, а в 1984-м – в США) он стал в первую очередь политическим жестом, подтвердив статус его автора как главного поэта диссидентского андерграунда.

В конце 1970-х отдельные стихи Петри все-таки стали появляться в венгероязычной литературной периодике – сначала в издававшемся в Югославии журнале «Новый симпозиум» («Új Szimpozium»), а затем и в не столь жестко цензурированных венгерских журналах «Мозго Вилаг» и «Кортарш».

Как и в историях многих советских диссидентов, ужесточение цензуры в отношении Петри произошло после публикации его текстов в переводах на Западе. В 1984 году в США был опубликован перевод его стихотворения, написанного на смерть Брежнева, из-за чего следующий венгерский сборник, название которого можно перевести как «Они считают, что» («Azt hiszik», 1985), Петри пришлось снова выпустить в самиздате. «Они считают, что» стал последним концептуальным сборником поэта. После смены режима – перехода к многопартийной парламентской республике в 1989 году – Петри вернулся в «общее» пространство и в политическом, и в поэтическом смысле: участвовал в создании венгерской либеральной

ДЁРДЬ ПЕТРИ

«ПОУЧИТЕЛЬНАЯ
И УЖАСНАЯ ПОЕЗДКА»...

9 Примечательно, что в венгерском языке (как и в некоторых других) слово *szamizdat* – прямое заимствование из «советского» русского. Подробнее о венгерском самиздате см., например: RISSMANN E. (Szerk.). *Szamizdat. Alternatív kultórák Kelet- és Közép-Európában, 1956–1989*. Budapest: Stencil-Európai Kulturális Alapítvány, 2004; а также воспоминания его активных участников – Ласло Райка, Миклоша Харасты и других.

партии «Альянс свободных демократов» (SzDSz, вышел из нее в 1994 году) и, наконец, выпустил сборник стихов разных лет «Где-то оно есть» («Valahol megvan», 1989), где были представлены и свежие стихи, и циклы, прежде публиковавшиеся в самиздате, правда, в сокращенных вариантах. После недолгих занятий публичной политикой в первой половине 1990-х Петри перестал активно участвовать в политической жизни, однако продолжал писать публицистические тексты и давал многочисленные интервью на актуальные темы, а также работал в редакции журнала «Холми» («Holmi»). В 1990 году в сборнике «То, что не вошло» были опубликованы стихотворения, не вошедшие в предыдущую книгу. В последнее десятилетие жизни Петри выпустил еще несколько книг стихов и переводов – в том числе и «Стихи 1971–1995» (1995). В начале 1990-х вернулось и официальное признание в виде премий – Аттилы Йожефа (1990) и Кошута (1996). В 2000 году поэт умер от рака гортани.

Благодарю за помощь в подготовке публикации старшего методиста Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме Екатерину Печеник, поэта Григория Петухова и писателя и журналиста Ваграма Мартиросяна. **[Оксана Якименко]**

Дёрдь Петри: У Союза писателей был тогда свой иностранный отдел, сегодня такого уже нет, Минпрос его закрыл. Они в рамках обмена посылали в соцстраны писателей и, соответственно, принимали гостей из этих стран в Венгрии. Так я и попал в СССР. Поездка оказалась поучительной и одновременно ужасной. Расписание было дичайше плотное: я почти в течение месяца побывал в Москве, Ленинграде, Таллинне и Тбилиси. А короткой – 28 дней – поездка оказалась потому, что Советский Союз оказался для меня невыносимым. Было ужасно неловко, пришлось какие-то конспиративные уловки выдумывать – я ведь не мог обидеть тех, кто меня принимал, и дать им понять, что сыт ими по горло, вот и придумал довольно запутанную историю, в которую, думаю, они ни на секунду не поверили: мол, некий переводчик моих стихов неизвестно на какой язык будет проездом в Будапеште, и у меня будет время только в транзитной зоне с ним встретиться, в аэропорту, по какому-то важному делу, и поэтому... Мною крайне редко овладевает такое бешеное нетерпение: я чувствовал – надо отсюда двигаться срочно. При том, что я там как сыр в масле катался. На самом деле я был сыт по горло необходимостью прилагать серьезные усилия, чтобы хоть что-то увидеть в Советском Союзе.

Переводчик – естественно, кагэбэшник – ни на минуту меня не оставлял, так что мне постоянно приходилось придумывать, как от него отделаться. Потом задним числом выяснилось, что они всегда знали, где я нахожусь. Об этом они мне ненавязчиво дали понять. Обнаружилось это, когда я посетил Иосифа Бродского. Судя по всему, он жил в коммуналке, но при этом у него была огромная комната, книги все были в коробках, а коробки нагромождены друг на друга, образывая стены, и мы передвигались по узким проходам. Он показался мне очень приятным, доброжелательным человеком.

[...] Вот и все, что было в Москве¹⁰. [...] После мы перебрались в Ленинград. Есть такой поезд-экспресс, «Красная стрела», он курсирует между Ленинградом и Москвой. Вот этот поезд был на удивление цивилизованный. Мы ехали в спальном вагоне, и проводница постоянно приносила чай. И это почему-то продолжалось всю ночь, потому как ни я, ни мой переводчик, похоже, были не в состоянии спать в поезде, несмотря даже на то, что ехали мы ночью и за окном ничего особенно было не видно – да и то, что я в России, так меня будоражило, что я не мог спать. А эта женщина, как видела, что из-за шторки просачивается свет, все время подходила к двери купе и спрашивала, хотим ли мы чаю. Я практически всю ночь прочаевничал с переводчиком и, как следствие, прибыл в Ленинград в разбитом состоянии. Ленинград показался мне мрачным, но красивым. То, что русские называют его «Северной Венецией», кажется мне преувеличением. А называют они его так, потому что у Невы масса каналов и притоков, но Венеция, по-моему, поуютнее Петербурга¹¹ будет. Но город действительно красивый, ведь для его строительства Петр I отрядил команду архитекторов – невероятно современная идея, – чтобы они проектировали альтернативные варианты для каждой улицы, а потом, когда планы отдельных зданий были готовы, царь созвал новый экспертный совет, в котором участвовал и сам, и они стали двигать, менять дома местами, чтобы каждая улица выглядела гармонично. И правда, каждая улица смотрится поразительно цельной. Из-за этого город кажется немного стерильным. Странно, когда я говорил, ну, вот это город, а Москва – кошмар какой-то, переводчик и другие русские заявляли, что признают: мол, для иностранца Ленинград красивее, но все-таки именно Москва – настоящая Россия, в ней есть жизнь, это просто я не заметил, только на неприятную ее сторону внимание обратил. Может, конечно, они в этом и были правы. Да, еще одну вещь не сказал про Москву и про другой

ДЁРДЬ ПЕТРИ

«ПОУЧИТЕЛЬНАЯ
И УЖАСНАЯ ПОЕЗДКА»...

10 Рассказ о московской части своего путешествия Петри из финального варианта интервью удалил, когда начал работу над стихотворением «Большое путешествие».

11 Любопытно, что в своем рассказе о поездке в СССР, Петри называет город то Ленинградом, то Петербургом.

мой контакт с русскими. В Москве есть один валютный бар, работает всю ночь и функционирует по совершенно бесстыдному и характерно советскому принципу. Один рубль там равен одному доллару. Что удивительно, там ни у кого не спрашивают, откуда у тебя валюта. Я заметил, что в этом огромном полуподвальном помещении было полно агентов КГБ. Они там явно сразу видят, кто иностранец – такие посетители их не интересуют. Человек подходит к стойке, получает за три рубля три доллара, нет, он идет к месту, где сидит обменщик, получает за три рубля три доллара – столько стоит порция виски – и потом уже идет к стойке и отдает официанту, так эти деньги и кочуют между официантом и обменщиком. Мне, кстати, понравилось, что в Москве можно выпить виски. Удручало же то, что там стояла куча московской молодежи, у которой либо не хватает рублей, чтобы за такие деньги покупать выпивку – бутылка водки тогда стоила три пятьдесят, – либо она боялась, не решалась обменять. Мне еще потом говорили, что не известно, по какой схеме действуют кагэбэшники: они в какой-то момент кого-то из посетителей вылавливают и принимаются допрашивать, откуда у человека столько денег, чтобы в этот бар ходить. В принципе, запрета нет, просто не совсем разрешено или не всем разрешено, черт его знает, как оно работает. Меня жутко угнетало, что эти бедолаги приходят и плятятся на бутылку виски, а само место было оборудовано, абсолютно как какой-нибудь западный бар – в плане стиля тоже. Барная стойка с перекладной из хромированной стали, обтянута кожей, высокие барные стулья, нереальный выбор – все что душе угодно. Пока я там ошивался, высмотрел одного парня-студента и девушку. Сказал им, мол, если хотите что-то выпить, я – иностранец, венгр, у меня куча денег, которые мне совершенно не на что потратить, – с радостью готов угостить. Парень немного говорил по-английски. Мы отлично поладили, ведь ни один из нас не чувствовал себя ущербным из-за языка. Выпили несколько порций виски, и тут парень с девушкой говорят, что у них дома есть водка, и, если у меня есть настроение, можно к ним зайти и выпить у них. С каким-то диким трудом удалось словить такси, ребята жили очень далеко, опять в какой-то перенаселенной коммуналке с железными засовами на дверях, замками и всей этой ерундой. Только мы вошли, в коридор вылез старик с длинной седой бородой – кто он был, я так и не понял, – в толстых шерстяных носках, лыжных штанах и какой-то трикотажной майке, – и, точно разгневанный пророк, принялся кричать на молодую пару. Полноценно общаться по-английски мы не могли, поэтому я так и не выяснил, что это за персонаж, по факту пришлось оттуда убираться. Но сцена была совершенно в духе Достоевского: дед орал, глаза

у него налились кровью, все это действительно было похоже на сон: то, как девушка пыталась его успокоить, а юноша тем временем откуда-то вытаскивал водку, возился он долго – надо было открыть замок, снять засов, потом все вернуть на место. Я был не в состоянии что-либо понять – старик в итоге исчез в одной из комнат. Все это длилось довольно долго, и дед все это время без остановки вопил, а девушка его растерянно успокаивала. В итоге я ни слова не понял, тем более, что по-русски они говорили на повышенных тонах и жутко быстро. Потом мы под проливным дождем пошли в какой-то парк. Но на ночь парки в России закрывают – когда их ночью оставляли открытыми, там натурально регулярно происходило какое-то насилие, многих избивали. Так что в парк идти было нельзя. Дождь лил как из ведра, в конечном счете мы нашли какую-то скамейку не в парке и дерево, под которым худо-бедно можно было укрыться от дождя, там-то мы втроем и распили ту бутылку водки. Ребята были ужасно милые – такси нигде не было, так они со мной пошли пешком под проливным дождем. Довели меня практически до центра, где уже можно было взять такси. По их словам, во-первых, ночью в Москве не так уж и безопасно, а во-вторых, вполне естественно, что они меня провожают, ведь я не смог бы сориентироваться. Эти двое очень по-человечески себя вели. Но в целом в Москве меня угнетало то, что... в гостинице персонал, конечно, специально был вымуштрован, чтобы никаких непосредственных контактов с иностранцами. Был момент, когда я ощутил себя до такой невыносимости одиноким, что заварил два растворимых кофе и вышел из номера угостить дежурную по этажу, и она не взяла кофе. Возможно, она восприняла это как попытку подкупа с моей стороны. Мелочь, но очень характерная. Ужасно неприятное было ощущение – от него это чувство одиночества только усилилось.

В Ленинграде я поселился в гостинице «Европейская»¹², где у меня был шикарный и исключительно удобный номер. Питался я либо там, либо в гостинице «Астория», расположенной неподалеку, где уже можно было почувствовать себя так, будто находишься в царской России. Официанты обслуживали меня с невероятной услужливостью, вежливостью и быстротой и постоянно следили за всем: скатерти, столовое серебро, благородный фарфор – словом, потрясающая изысканность и вкуснейшая еда... Хлеб с маслом и икрой, хлеб выносили горячим, и официант намазывал икру, спрашивал, желаю ли я с лимонном, и сбрызгивал лимонным соком из маленького хрустального кувшинчика. При том, что обслуживание в магазинах или

12 В оригинале Петри использует слово «Европа», но с 1930-х и до 1991 года гостиница носила название «Европейская».

заведениях подешевле невероятно хамское, в шикарных местах подобного рода – это я не только в «Астории» наблюдал – идеальное, практически до невыносимости.

Не знаю, почему так важен Ленинград, почему все поменялось, но следить за мной в этом городе по какой-то причине стали пристальнее. Дали мне какой-то трехзначный номер, и внезапно нарисовалась черная «Волга» с шофером – возили, куда скажу. Никто меня не обязывал, но дали почувствовать, несколько раз повторили, мол, если захочу куда-то недалеко съездить, такая возможность у меня есть. Но подразумевалось, что в обязательном порядке [надо сообщить, куда направляюсь]. Я это правило несколько раз нарушил, и мне каждый раз давали понять, что об этом известно. Ничего не комментировали, не говорили, где я был, но давали понять. Жалею, что был в городе не летом – очень хороши и Летний сад, и Нева. Еще я тогда впервые увидел море, оказался в Финском заливе. Прямо в море упал. Пьяным, в виде исключения, я в тот момент не был, просто увидел в море медузу, а спуск к воде там был довольно крутой и мощный, я был в ботинках на кожаной подошве и спускался очень осторожно, но внизу были водоросли. К счастью, там не сразу было глубоко, так что я оказался в воде примерно по пояс, выловил медузу и с довольно большим трудом выполз обратно. Медузу отбросил, снял ботинки, их тоже кинул на берег, в носках уже проще было цепляться, так и выбрался. По счастью, все это происходило неподалеку от гостиницы¹³. Когда я входил в шикарный вестибюль, оставляя за собой полосы стекающей воды, то, наверное, выглядел довольно своеобразно.

Мария Пап: С медузой в руках.

Д.П.: Да уж. Медуза еще какое-то время у меня прожила, пока я был в Ленинграде. Спустя три дня она сдохла – я для нее налил в раковину холодную воду, насыпал соли, чтобы было похоже на море, там она и плавала. Периодически я менял воду, но она все равно только три дня протянула – значит, у меня не получилось воспроизвести состав морской воды. Море действительно сильно потрясло как стихия. Большие горы не произвели на меня такого уж значительного впечатления. А вот в связи с морем меня охватывает метафизически возвышенное чувство. Тогда я впервые увидел мост, который разводят, тогда же первый раз видел океанский лайнер – такой невообразимо гигант-

13 Не очень понятно, где конкретно это произошло: гостиница «Европейская», где, по утверждению Петри, он останавливался, находится довольно далеко от побережья Финского залива. Речь скорее всего идет либо о набережной Невы или Мойки – там как раз есть крутой спуск недалеко от гостиницы (но тогда откуда в воде медуза?), либо о выходе к заливу на Васильевском острове (но это довольно далеко от гостиницы).

ский корабль в несколько этажей. Крейсер «Аврора» удалось только снаружи осмотреть – его тогда как раз ремонтировали, готовили к 7 ноября, но в эту дату я уже был в Грузии. Очень странное было ощущение: я столько раз слышал, какую важную военную роль сыграл крейсер «Аврора», а на самом деле это совсем небольшое судно. Примерно как прогулочный корабль на Дунае, только с пушками на борту. Он меня странным образом разочаровал – я-то рассчитывал на нечто гигантское.

Из приятных впечатлений – побывал в редакции журнала «Аврора». Этот ежемесячный журнал печатает и иностранную, и национальную литературу. В редакции все были сплошь молодые и невероятно образованные люди. Там я даже сумел воспользоваться своим знанием немецкого. Встреча подействовала на меня крайне освежающе, ведь и до и после этого меня водили на встречи в основном с партийными идиотами и функционерами из Союза писателей. А с этими можно было поговорить по-настоящему. Они были на удивление осведомлены обо всем, что было, скажем, лет тридцать назад. С ними можно было беседовать о Рильке и Элиоте. Атмосфера там была отличная, я до такой степени расслабился, что переводчик там меня и оставил – выяснилось, что в редакции все говорят по-английски или по-немецки, а еще он увидел, что мы не готовимся свергнуть советскую власть и доносить тут не о чем. А эти молодые ленинградские редакторы тоже явно наслаждались возможностью поговорить с иностранцем. Был среди них и поэт¹⁴. Любопытно, что я и в разговоре с ними, как и везде, намеренно упомянул о вторжении в Прагу в 1968-м, просто хотел их спровоцировать, чтобы услышать подлинное мнение, и у меня было чувство, что они со мной согласны. Они не отрицали, ни о чем не спорили, реагировали абсолютно сдержанно, приняли к сведению то, что я сказал, и, как мне кажется, согласились со мной. Высказать это вслух, очевидно, было бы для них опасно. Вполне вероятно, что в такой редакции, где периодически бывают иностранцы, и у стен есть уши. Может, переводчик спокойно оставил меня там одного еще и потому, что магнитофон все равно уже был включен. Но вообще, по моему, это было единственное учреждение, где я встретил людей, европейски ориентированных.

Да, еще в самом начале, по приезде было неприятно, что нас ждало какое-то авто, и переводчик сказал, что до гостиницы

ДЁРДЬ ПЕТРИ

«ПОУЧИТЕЛЬНАЯ
И УЖАСНАЯ ПОЕЗДКА»...

14 Петри вполне мог встретить в редакции «Авроры» Владимира Торопыгина (1928–1980), ставшего с 1973 года главным редактором журнала; Олега Шестинского (1929–2009) (возможно, именно он и был тем «поэтом»), Нину Королеву (1933–2022), чьи стихи (в том числе и стихотворение с упоминанием гибели царской семьи, которое в 1973 году стало причиной большого политического скандала и смены главного редактора «Авроры») удивительно созвучны исторической лирике венгерского поэта. Увы, практически все члены редакции «Авроры» тех лет уже умерли. Найти же упоминания о визите Петри у кого-либо из потенциальных собеседников в письмах или воспоминаниях пока не удалось.

нам надо будет заехать еще в одно место, и место это оказалось главным штабом ленинградского КГБ. Я тогда крайне удивился, судя по всему, это такая русская особенность – так по-детски и нагло лгать. Он с кем-то парой слов перекинулся, потом вернулся и сказал: мол, ой, он ошибся, это КГБ, на самом деле мы едем в другое место, а тот человек, с которым он говорил, – это его знакомый, случайно встретились. Это явно была проверка, ему надо было показать, что мы действительно прибыли в Ленинград, а не заехали на какую-нибудь запрещенную территорию. И мы действительно еще куда-то поехали, где он зашел в какую-то комнату, это было что-то вроде алиби. Потом откуда-то возникла довольно несимпатичная Анна Павловна, выглядело все так, будто она девушка или одна из девушек этого переводчика, ведь он постоянно был в разъездах, типа как капитаны – по девушке в каждом порту. И тут на меня накатила такая сильная тоска, даже не по женщине, наверное, чувство одиночества, ведь при том, что я все время посещал разнообразные мероприятия, я все время ощущал себя адски одиноким. Не знаю даже, было ли это из-за того, что страна такая большая или такая чудовищная, но я страшно страдал. Так или иначе, я принялся ухаживать за этой дико неприятной и довольно некрасивой женщиной. Совершенно случайно вспомнил несколько стихотворений Аполлинера по-французски, позвонил ей среди ночи по телефону и прочел: «Я сорвал этот стебель вереска... и помни, что я тебя жду» – и пожелал спокойной ночи. В общем, впал в некое платоническое безумие, ведь было очевидно, что она возлюбленная или временная подруга моего переводчика. Мы иногда гуляли вместе, и я, изображая из себя эдакого трубадура, пытался за ней ухаживать при посредничестве переводчика, который не моргнув глазом ей переводил и был исключительно любезен.

С переводчиком, кстати, был интересный случай. Якобы он получил от Генриха Бёлля 500 марок и попросил меня купить ему в валютном магазине при гостинице шелковых платков. А ему, по его же словам, нельзя было принимать подарки, особенно деньги, от интуристов и он бы мог тогда работу потерять, если бы купил сам. Это была одна из немногих минут искренности – быть искренним было в его интересах. На это я спросил, что будет со мной, ведь официально и мне запрещено иметь при себе западную валюту. Он ответил: мол, смотри, тебя могут выслать из страны. Он очень корректно себя повел. Я ему говорю: хорошо, попробуем, это я вынести в состоянии – я это сказал с некоторым вызовом, потому как мне уже начало это все надоедать – а ведь шла всего вторая неделя – в общем, если вышлют из страны, ничего со мной не будет. Оказалось, будучи

переводчиком и офицером КГБ, он дополнял свой скромный гэбэшный доход за счет того, что приобретал разные ткани и шил галстуки. Шил он их совершенно профессионально и утверждал, что умудряется продавать их по каким-то нереальным ценам. Галстуки эти были страшные как смерть, жутко безвкусные, но было совершенно понятно, что предприятие имело серьезный успех, ведь легкая промышленность в Советском Союзе до такой степени унифицированная, что спрос есть на все, что хотя бы отличается. Одним словом, если ты приехал в Москву, тебя готовы раздеть с ног до головы и можно, не знаю, 500 рублей получить за то, что на тебе надето. Потому что там такого нет. И такой невообразимый голод по чему-то другому, непохожему, что люди готовы совершенно несоразмерные суммы отдавать за все, что отличается от серой массы. Не знаю, рассказывал ли я уже: у меня были итальянские мокасины, и один тип за любые деньги хотел их у меня купить, какую-то дикую сумму за них предлагал, чуть ли не месячную зарплату. Я ему говорю: поймите, я в этой обуви приехал, у меня других нет. Мне, что, босиком ходить? Он мне: не страшно, зайдем, говорит, в обувной магазин, куплю тебе пару обуви, плюс обещал заплатить, не знаю, 120 рублей за эти мокасины, и все уладим. Зашли мы в обувной. Там-то я все понял, потому что на полках рядами стояли абсолютно одинаковые ботинки цвета говна. Потом, к счастью, обнаружилось, что ему мои туфли малы. Так что покупка не состоялась, мне не достались 120 рублей, а ему – прекрасные итальянские мокасины.

В общем, переводчик мой, любитель приключений, подхалтуривал шитьем галстуков. После армии он начинал почтовым летчиком. Все время с гордостью демонстрировал жетон на цепочке, где были выгравированы имя и номер, – страшно гордился тем, что работал в дальневосточной почтовой службе. Удивительный был тип. Мы с ним жарко спорили насчет 1968 года. Я ему говорил, что это подлые действия и это на самом деле означает, что социализм, международное рабочее движение и интернационализм превратились в совершенно лживую демагогию. Странно, что он не защищал самого вторжения, но утверждал, что это была политическая ошибка. Я пытался объяснить ему, что это было больше, чем ошибка, и что события эти несут в себе иной нравственный и исторический смысл, нежели просто политическая ошибка. Тогда я подумал, что это он просто из уважения к гостю не говорит, мол, это так надо было сделать, видя, что я возмущен, а вместо этого осуждает произошедшее, только с более мягкой и лояльной точки зрения. Позже я сообразил, что, нет, что просто существует некий великорусский шовинизм относительно того, что составляет интересы империи. То есть он с этой точки зрения рассуж-

ДЁРДЬ ПЕТРИ

«ПОУЧИТЕЛЬНАЯ
И УЖАСНАЯ ПОЕЗДКА»...

дал, что оккупация Чехословакии не была бы ошибкой, если бы международная реакция на это не была бы такой катастрофически отрицательной, он искренне полагал, что при этом раскладе это действительно была ошибка. Но сам по себе факт, что у такой ничтожно маленькой страны, как Чехословакия, есть суверенитет и достоинство, никаких эмоций у него не вызывал. Он искренне и инстинктивно мыслил в русле имперских интересов. Для него это целиком и полностью был вопрос техники власти. И переводчик вовсе не был глуп. При этом у него были невероятные пробелы в образовании. Как-то мы с ним зашли в книжный, и там был двуязычный сборник Эдгара По, я взял его полистать, а он на это заметил, что ему странно, как это такие книги издают, ведь По был фашистом. Я, совершенно пораженный, возразил, что По, во-первых, умер в 1848-м или 1849 году, когда фашистской идеи вообще еще не существовало, и что его нельзя назвать фашистом еще в том смысле, что он не был ни этатистом, ни сторонником насилия и вообще такими делами не занимался. Переводчик мне на это ответил, что По все-таки был фашистом. Из чего я лишь сумел вывести, что он что-то неверно услышал на каком-то семинаре, потому как в остальном с ним можно было совершенно нормально разговаривать. Он был существом со странной, разорванной напополам душой – вообще у нас сложились исключительно хорошие отношения, я с удовольствием с ним беседовал, ему тоже явно было приятно мое общество, но он, мягко говоря, довольно успешно разделял призвание и личную жизнь, потому как настроил обо мне такой длиннющий отчет (его потом переслали в венгерский Союз писателей), как я узнал через маму Янчи Киша, что ни по каким обменам по линии Союза писателей я больше ездить не мог. Что я вообще стал невыездным, выяснилось сразу, но Иван Фельдеак – начальник иностранного отдела – не сказал тогда почему. Он оказался в очень неудобном положении. Ева должна была ехать в Болгарию – это было в 1974-м, даже 1975-м, – и я тоже попросил тогда, чтобы меня выпустили туда, но Иван Фельдеак сказал: мол, классно, что я хочу в Болгарию, а то болгары и так уже обижены, потому что никто не хочет в Болгарию ехать, и периодически жалуются, почему венгерские коллеги-литераторы к ним не приезжают, будет круто, что я поеду. Я на другой день принес загранпаспорт, пришел к нему, а он принял меня, дико извиняясь: мол, извини, что зря напряг, а то ему из МИДа сообщили, что мне, к сожалению, ехать нельзя. Я спросил, почему нельзя, на что он мне испуганно сказал, чтоб я не спрашивал, потому как он сказать не может. Хорошо, говорю, принял к сведению – и поехал как турист. Возвращаясь к переводчику, он, парень этот, скорее всего иначе поступить и не мог. Задним числом я не так уж и осуждаю его поведение.

Он, кстати, довольно долго потом слал мне поздравительные открытки по самым разным поводам, например, на 4 апреля¹⁵ – думал, это для меня праздник, – на 7 ноября и на Новый год, да еще и с довольно длинным текстом. Интересно, что он всегда писал мне по-русски, зная, что я русского не знаю. Может, агенту КГБ запрещено по-английски переписываться. Задним числом я понял, почему он так себя вел, ведь я не только ему выдавал свои обвинительные речи насчет 1968 года, а очень много раз – точнее, при каждом удобном случае, по большей части в те моменты, когда он тоже был рядом. Так что он скорее всего не мог про это не написать, иначе донесли бы на него. Ему просто оставалось подробно описать, что я говорил, а уж я за словом в карман не лез. К тому же я весьма подробно делился своими впечатлениями от Советского Союза – насколько позволяла обязательная для гостя вежливость.

По-настоящему важной была в Ленинграде встреча с Бродским. Еще был очень неприятный поход в Эрмитаж – самая неудобная для осмотра картинная галерея. Стены попросту увешаны картинами, как обоями. Висит в зале, скажем, Тициан, но так, что картины практически перекрывают друг друга. Все это ради того, чтобы показать, сколько всего есть, а в каталоге еще можно прочесть, что в подвале еще в шесть раз больше, только попросту не помещается. Приходится менять экспонаты. Поразительно, какие там есть вещи. В конце экскурсии я в каком-то боковом коридорчике обнаружил маленького Брейгеля¹⁶: ворон на грязно-сером снегу – видно, его посчитали не таким значимым. Я там полчаса сидел и смотрел на эту картину – потрясающая. Хоть какая-то интимность, в конце концов. Мало я видел зданий отвратительней Эрмитажа. Внутри практически все из малахита. Можно отравиться малахитом. Там даже в обуви ходить нельзя – тебе дают специальные тапочки, чтобы паркет не поцарапать. И все из малахита – стол из малахита, стул из малахита...

М.П.: А малахит только зеленый?

Д.П.: В основном зеленый, со всевозможными прожилками – частично разные оттенки зеленого, но есть в нем и голубые, и розовые прожилки, – в общем, стулья, столы, все из малахита,

15 С 1950-го по 1989 год 4 апреля отмечалось как национальный праздник – день окончательного освобождения Венгрии Красной армией в 1945 году, установленный в качестве праздника вместо 15 апреля, дня начала революции 1848–1849 годов (революция и борьба за независимость, в подавлении которой активное участие принимали войска царской России, не очень вписывались в новый советский календарь). У Дёрдя Петри есть несколько стихотворений, посвященных в том числе и 15 апреля, так что поздравлять его с советским праздником было действительно странно.

16 Вряд ли речь идет о картине кого-то из Брейгелей – в Эрмитаже хранится несколько работ Питера Брейгеля-младшего, но ни одна из них не похожа на то, что описывает Петри.

и всякие малахитовые шары, на знаю, была какая-то малахитомания, наверное. По-моему, построил это все не Петр I, а Екатерина – в общем, ужасное было ощущение, плюс ко всему прямо перед Эрмитажем был выставлен портрет Ленина из толстого шпона высотой с само здание музея. Представь: выходишь на площадь, а там этот знаменитый Ленин в кепке набекрень с вытянутой вперед рукой высотой шестнадцать метров – не абы что. А потом еще и малахит. Знаю, что потом, когда вернулся в Москву, не пошел в Третьяковку, такой шок пережил в Эрмитаже, что не хотел на картины смотреть. Что до экскурсии по городу, то там мне показались важными такие дурацкие вещи, типа когда мы выехали на место дуэли Пушкина с Дантесом, и там все выглядит примерно так же, как тогда. Памятное место в своем роде, и из надписи на какой-то табличке можно точно узнать, где стоял Пушкин, а где – его противник. Я там постоял какое-то время, потому что очень люблю Пушкина. Что по-настоящему было интересно, так это знакомство с японской девушкой по имени [...], она потом и отвела меня к Бродскому. Девушка эта была невестой парня по имени Габор Риттер, потом он на ней женился, у них двое детей. Последний раз я виделся с ними в Америке. У нас были довольно специфические отношения. Мне она очень нравилась. Ее нельзя было отнести к числу по-настоящему красивых японских женщин: слегка коренастая, угловатый такой японский тип, миниатюрная, но в более близкие отношения я с ней вступить не пытался, ведь я понятия не имею, какой у японцев этический кодекс, я не знал, будет это грубым оскорблением, а то и вопиющим преступлением, или наоборот. Девушка была невероятно милая, много раз приглашала меня к себе домой, готовила для меня. Она как-то почувствовала, что мне одиноко, и поэтому каждый день приходила ко мне в гостиницу, сидела у меня до полуночи, до двух часов ночи, и мы разговаривали, а она с невозможной ловкостью складывала для меня бумажных птичек из всего, что попадалось под руку – из серебристой бумаги от сигаретных пачек, из салфеток, из чего угодно. Она это делала машинально, в процессе разговора, не опуская глаз, как женщины, когда вяжут. У нее получались красивые птички, я еще потом долго несколько штук хранил. Бродский был ее другом. Я уже говорил, что он жил в коммуналке, книги стояли штабелями в коробках, эти импровизированные стены не доставали до потолка, но обрзовывали что-то вроде проходов, а внутри была совершенно нищенская, простейшая мебель: столик, пара кресел – там мы и пили чай. У него тогда за спиной уже было несколько лагерей и ссылок с принудительными работами за хулиганство и тунеядство, а на самом деле – за свои стихи на религиозные и политические темы. Но он был поэтом умеренно политическим, не

таким резким, как, скажем, я. Он писал стихи типа, как выглядит еврейское кладбище в Ленинграде¹⁷. Я это стихотворение даже перевел с английского, много позже оно было опубликовано в журнале «Máshonnan Beszélő»¹⁸. Еще в одном своем стихотворении он фактически утверждает, что в одной из красивейших православных церквей Ленинграда устроили швейный цех¹⁹. Это я видел. Снаружи церковь оставили, как есть, на уровне первого этажа пробилы окна, и внутри стучат швейные машинки. Можно было как следует все рассмотреть внутри. А сверху – купол-луковка. И это еще не самая безбожная идея, потому что в одном из самых величественных православных соборов разместили музей атеизма²⁰. Не знаю, там ли он еще, сам я там не был, только знаю, что, услышав о существовании музея атеизма, долго размышлял, что в таком музее экспонируют. Ведь у религии есть реликвии, священные книги, а атеизм по своей природе ничем подобным не располагает. Максимум, что я мог себе представить, – это пустой храм, где посредине написано, что бога нет.

Бродский, кстати, тогда жил очень бедно, его уже не преследовали, он мог писать нейтральные стихи, переводить; писал он и детские стихи. Исключительно приятный, негромкий человек. У меня от общения с ним осталось одно очень мучительное воспоминание, которое обрело потом особый смысл – отчасти, в плане моего отношения к Лукачу, отчасти... В общем, эта встреча некоторым образом стала отложенным импульсом к тому, что я впоследствии стал активным оппозиционером. Я привез с собой три экземпляра статей Лукача о Солженицыне на немецком: один – Бродскому, а остальные, чтобы он раздал друзьям. Бродский мне сказал: мол, спасибо большое, передаст друзьям, но все три экземпляра. Знает, что Лукач – выдающийся философ, наверняка и статьи отличные, но, увы, не слышал, чтобы Дьёрдь Лукач выступил против вторжения в Чехословакию. Я ему ответил, что Лукач написал письмо чуть ли не на семидесяти страницах – то ли Кадару, то ли в ЦК. На это Бродский ответил, что его это не интересует, ведь это личное дело Лукача и Кадара или Кадара и партии. Но, если бы Лукач выступил, – это бы так или иначе дошло до советской общественности и

17 «Еврейское кладбище около Ленинграда» (1958).

18 «Máshonnan Beszélő» – букв. «Говорящий из другого места», самиздатский журнал, выходивший в 1981–1988 годах. Журнал активно печатал переводы русских авторов – прозу, поэзию, аналитику, в частности, тексты Варлама Шаламова, Татьяны Заславской и многих других.

19 Здесь скорее всего произошло наложение: Петри вполне мог увидеть швейную мастерскую, которая со второй половины 1930-х располагалась в церкви во имя Казанской иконы Божьей матери подворья Валаамского монастыря, и она соединилась у него с «греческой церковью», из стихотворения Бродского «Останок в пустыне» (то есть церковь святого великомученика Дмитрия Солунского).

20 Речь о Казанском соборе, где с 1932-го по 2000 год располагался Государственный музей истории религии и атеизма.

тогда было бы значимо. А то, что Кадар или Лукач воспринимают это как внутривнутрипартийное дело – так для него это вообще никаким смыслом не обладает, и поэтому он не будет читать эту книгу. Все это Бродский проговорил очень неагрессивно, но крайне решительно, и я тогда был по-настоящему потрясен, причем изрядно, ведь мне казалось, что Лукач был не согласен и сообщил это партии. Это был нравственно угнетающий опыт: я осознал собственную глупость, мне пришлось выслушать от по сути склонного к религии и вызывающе аполитичного поэта абсолютно очевидный политический аргумент о том, что должен был сделать Лукач в 1968-м. Довольно странно, что именно этот человек сыграл весьма важную роль в моем политическом развитии, ведь вся школа Лукача постоянно восхваляла практическую философию и критическую теорию, а тут я понимаю, что практика, в конечном счете, означает, что человек что-то делает, а Лукач ничего не делает, потому что все его действия свелись к подписанию резолюции в Корчуле²¹.

Таллинн и Тбилиси были интересны уже потому, что у меня была возможность посмотреть две небольшие республики и два совершенно разных по атмосфере города. Больше всего поразило, что это чужеродные тела. Видно это было по тому, что люди между собой там не говорят по-русски, по большей части знают русский довольно плохо. И в Таллинне, и в Тбилиси я столкнулся с присутствием немалого числа людей, которые владели русским примерно на том же уровне, что и я, то есть на уровне приличного ученика гимназии с преподаванием русского языка. Я даже столкнулся с тем, что люди в массе своей начинали вести себя довольно недружелюбно, когда я пытался обращаться к ним на русском, когда же я заговаривал на английском, очень редко встречались те, кто меня понимал, но большинство очень по-доброму сообщали, что, увы, не понимают по-английски. В Таллинне ничего особо интересного не произошло. Очень красивый, грустный город. Улицы вымощены красным базальтом, и все время идет дождь, после которого постоянно выглядывает солнце, и базальт сверкает – но солнце светит странным рассеянным светом, и выглядит это очень загадочно. В Таллинне я пережил приятный с гастрономической точки зрения, но в остальном крайне отталкивающий опыт. Это был самый яркий пример существования нового правящего класса – в точности такого, каким его описал Милован Джилас²², и этот класс откровенно и беззастенчиво купается в благах.

21 На конференции, которая проходила в югославском городе Корчула в 1968 году, пять венгерских философов, в том числе и Лукач, поставили свои подписи под резолюцией, осуждавшей действия стран Варшавского договора.

22 Милован Джилас (1911–1995) – югославский политический деятель, один из авторов концепции «нового класса» – партийной номенклатуры.

В Таллинне есть ресторан под названием «Глория». Не знаю, почему «Глория», ведь это религиозное слово. В этом ресторане я присутствовал на рабочем обеде с участием партсекретаря Союза писателей и профсоюзным уполномоченным. Говорить с ними, к счастью, мне не пришлось, поскольку они отдавались исключительно поглощению пищи и выпивке. Станным в том ресторане было то, что это было довольно большое заведение, обустроенное с невероятным шиком. Место было современное, но, не знаю, такое, будто его и снаружи и изнутри спроектировал Корбюзье или Гропиус. Из посетителей были только мы, и я спросил тогда своего переводчика, как это в таком прекрасном ресторане никого, кроме нас, нет, на что тот ответил: мол, это не для широкой публики заведение, и его держат для членов партии и почетных гостей из-за рубежа. Система подачи немножко похожа на шведский стол, русские это называют закусками, только их не сразу все выкладывают, а приносят одну за другой маленькими порциями. Что там было – пером не описать. Икра черная, икра красная, лосось, раки-крабы, мясные деликатесы разные, салаты, рыба нарезанная, сладости. В хрустальных графинчиках – водка, в графинах побольше (тоже хрустальных) – вода со льдом, кроме этого, иностранное пиво нескольких марок, серьезные вина. За спиной все время стоял официант и, как только у меня заканчивалась выпивка, нагибался и из бутылки, обернутой в салфетку, доливал водки в стоявший на столе графин, менял воду каждый раз, когда лед успевал растаять, а другой официант постоянно подносил кушанья. Этот официант был там только для того, чтобы обслуживать меня. Остальные накладывали и наливали себе сами, он обслуживал только меня, то есть ради меня наняли отдельного официанта. Я чувствовал себя эдаким боярином. И ощущал себя в этом качестве отвратительно – при том, что местами мне это доставляло дикое наслаждение, я бы этими морскими гребешками всякими всю жизнь мог бы питаться, но ситуация в целом была до ужаса тягостной. Повезло еще, что эти два приятеля не напрягали себя разговорами, так что я в процессе беседовал с переводчиком, а они беззастенчиво предавались радостям бесплатной жрачки. В общем, несмотря на весь гедонизм происходящего, было жутко неудобно.

В Таллинне я, естественно, тоже жил в безумно дорогой гостинице – в номере у меня на одной стене было зеркало во всю стену, такая целиком зеркальная стена. Там мы тоже без конца пили, так как другой программы у меня не было. В городе мы провели три дня и в страшных количествах пили специфический ликер типа палинки, называется «Таллинн», «Старый Таллинн», очень вкусный. Там тоже была проверка: переводчик сказал, что мы должны встретиться с одним его другом.

Этот друг пришел, мы перекинулись парой слов, я предложил выпить вместе, на это друг сообщил, что куда-то торопится и сейчас не может, в другой раз. Было совершенно ясно, что моего сопровождающего тоже «ведут». Все это было крайне утомительно, ведь после встречи мы самолетом отправились обратно в Москву. Там через весь город проехали на машине в другой аэропорт и полетели в Тбилиси – фантастический город. Мы туда в зимних пальто, шарфах и шапках, а в Тбилиси – 22 градуса и волшебная осень. Город очень живой, правда, спать было совершенно невозможно, потому как перед гостиницей... – гостиница была по-настоящему шикарная, если с Будапештом сравнивать, то примерно как если бы мы жили на улице Лайоша Кошута²³.

В Тбилиси мне повезло – по какой-то таинственной причине переводчика моего поселили в другую гостиницу по соседству, так что я наслаждался относительной свободой, но вот только на площади перед гостиницей всю ночь упражнялись в шагистике советские солдаты. Да так, что земля содрогалась. Из-за этого вышел у меня один-единственный за всю поездку серьезный конфликт: около полуночи я захотел выйти из гостиницы, поняв, что спать невозможно, думал, пройдуся, поделаю что-нибудь. Вечер был чудесный, можно было в одной рубашке гулять, и меня изначально возмутило, что гостиница закрыта. Не знаю, почему меня так возмутило, что она закрыта, ведь все гостиницы на ночь закрывают, но, естественно, тебя выпустят и ничего не скажут – а тут мне портье говорит, чтобы я не выходил, потому что это опасно. Я вышел из себя и естественным образом посчитал это чистым издевательством – мол, они хотят меня на ночь запереть – и принялся орать. Портье вряд ли мог что-то понять из моих криков: я требовал на смеси русского и английского, чтобы он открыл мне дверь, сдабривая свою речь смачными венгерскими ругательствами. Но после пары минут моих выступлений дверь все-таки открыли, и было очень классно, я обнаружил всякие забегаловки, позабредал в разные стремные места. Потом уже от Риммы, жены Дёрдя Далоша²⁴, я узнал, что портье не от балды мне тогда все говорил, не выгородить себя хотел, а Тбилиси, действительно, один из самых опасных городов в мире, и каждую ночь там несколько человек становятся жертвами преступников – им перерезают горло. В общем, портье боялся, чтобы не дай бог иностранца не прирезали. Кроме того, он явно знал, что я какой-то особый гость. Я же, нисколько не подозревая

23 Улица в самом центре Пешта, перед мостом Эржибет.

24 Дёрдь Далош (р. 1943) – венгерский писатель, журналист, историк, автор книг о русских писателях («Гость из будущего» – об Ахматовой и Берлине, «Путешествие на Сахалин по следам Антона Чехова») и государственных деятелях, а также статей и книг о венгерской и европейской истории.

о грозившей мне опасности, по сути погрузился в тайны грузинского преступного мира, поскольку обнаружил совершенно подозрительные заведения, но меня там ни одна собака не тронула. Больше скажу, где-то меня пригласили выпить, даже посадили к себе за стол. У грузин есть странное блюдо – похоже на шарик творожный со сливовым вареньем, но внутри мясо, – и есть такая масляно-уксусная смесь, куда они нарезают зелень, какую, я так и не смог понять, и этой заправкой все поливают, она очень вкусная, а едят это все следующим манером – даже в первостатейных заведениях: ставят большое общее блюдо, на нем куча этих шариков, и едят их руками, макая в соус. Грузинский криминальный мир встретил меня с братским участием – возможно, свою роль сыграло и то, что я сообщил им, что я венгр. Оказалось, что и в Эстонии, и в Грузии знают, кто такие венгры, что там был 1956 год, и поэтому очень нам сочувствуют – я и от грузин, и от эстонцев слышал, что Венгрия – большая и независимая страна, так что мы для них в какой-то степени старшие братья.

В Тбилиси состоялся второй акт таллиннской «Глории», еще одним уровнем выше, поскольку в тот момент как раз проходили эстонско-грузинские дни культуры, и в город прибыла делегация эстонских писателей. Среди прочих там был писатель по имени Леннарт Мери²⁵, с ним я был знаком, познакомился в Таллинне – он был единственным человеческим существом, с кем мне довелось встретиться в Таллинне. У него вышла пара текстов и на венгерском. Мы там встретились, а меня присобачили к эстонско-грузинской культурной встрече, чтобы вышло еще помеждународнее. Встреча состоялась в каком-то охотничьем домике, высоко в горах Кавказа. Даже сам полет туда уже был потрясающий, самое удивительное мое воздушное путешествие: самолет лавировал между покрытыми снегом горными вершинами, и постоянно было чувство, что мы вот-вот врежемся в очередную гору – и это было потрясающе здорово. Когда же мы направились в охотничий домик довольно большой колонной – «Чайки», «ЗИСы», «Волги», – спустя какое-то время выяснилось, что дороги как таковой просто нет. То, по чему мы ехали, больше всего напоминало каменистое русло горного ручья, а по бокам текли настоящие горные реки. Тогда-то я и понял, почему у советских автомобилей такая высокая подвеска. Наши машины радостно накручивали километры по горным рекам – нас даже особенно не трясло. Мы проехали через несколько грузинских деревень. Грузины, как правило, чудовищно богаты: они выращивают цветы и фрукты и обычно продают их торговцам прямо в аэропорту и следу-

25 Впоследствии, после восстановления независимости Эстонии, Леннарт Мери (1929–2006), эстонский писатель и режиссер, стал министром иностранных дел, а потом и вторым президентом страны.

ющим же самолетом летят обратно. В те годы билеты на самолеты в Советском Союзе были до смешного дешевые. Есть, конечно, и нищета – те деревни были ужасно бедные. Дома выглядели, примерно как у нас цыганские поселения в комитате Сабольч, а вдоль дороги стояли совсем исхудавшие маленькие дети в обносках и, разинув рты, дивились на чудо – как господа едут на механических телегах. Деревни эти были – не описать. Грузины – довольно красивый народ, очень печально было видеть всех этих красивых маленьких детей, девочек в таких лохмотьях, босиком, как они любят проезжающими машинами.

Мы приехали в охотничий домик, где стояли два бесконечно длинных стола и скамьи, покрытые медвежьими, кажется, шкурами, чтобы сидеть было удобно. И тут начался настоящий феодальный пир. Феодальный характер происходящему придавало еще и то, что там были юноша и девушка, которые негромко и красиво пели для господ, чтобы во время поглощения еды и выпивки тем было какое-то развлечение. Это было какое-то безумие. Сначала шли тосты. Я раньше думал, это только русское безумие, но, похоже, это такое имперское помешательство – череда тостов, где каждый должен произнести речь. Происходит это следующим образом: в бычьем роге объемом примерно в три четверти литра налито вино, к рогу приделана серебряная цепочка, и рог этот обычно выпивают в один присест, по-другому особенно и никак – ведь его только на весу можно держать, иначе вино выльется. К счастью, выяснилось – передо мной произнести тост успели многие, – что надо выпивать до дна, вот я и выпивал – показать, что венгры тоже не лыком шиты. Только дико мучился, что сказать в качестве тоста. Ритуал состоит в том, чтобы, выпив рог, передать его кому-то, кто возьмет, наполнит его до краев вином, встанет и тоже произнесет тост. Я знал: рано или поздно очередь дойдет и до меня. Но мне повезло: за одного персонажа до меня мой переводчик вышел из-за стола. Почему – не знаю, может проблеваться решил, хрен знает, в любом случае, настроение совершенно переменялось, и тот, кто должен был потом передать рог мне, завел речь о том, что собирается выпить это вино за ту Венгрию, что сохранила национальное своеобразие, отнесенную независимость, свой язык, культуру – в общем, произнес жестко националистический тост и перебрросил рог мне. Так дилемма и разрешилась: я произнес столь же пламенную националистическую речь – по-моему, поняли ее не многие, ведь я был вынужден говорить по-английски. Правда, потом выяснилось, что достаточно многие меня поняли – если быть более точным, я ругал русских, по большей части тост из этого и состоял, я не хотел портить людям праздника и потому

не сказал, что мы не такие уж независимые, не надо преувеличивать, но атмосфера от этого стала просто чудовая. После тоста я стоял, растерянный, с пустым рогом в руках, пока кто-то не показал, куда его следует дальше кинуть. Ну, я и кинул, насколько был в состоянии прицелиться – я ж к тому моменту уже успел выпить литра полтора вина; я вино не люблю и поэтому переношу его хуже, чем крепкие напитки. Но в отношении выпивки это оказалось лишь надводной частью айсберга. Разогрев. После в качестве аперитива подали какую-то страшно крепкую водку, по-моему, ее потом продавали под видом водки в Венгрии – в 65 градусов. Задумана она была как аперитив, но участники застолья употребляли ее отнюдь не в тех количествах, в каких пьют аперитив, а хлестали ее долго и много. Потом началась большая жратва. Это было тяжелое испытание – баранина, говядина, выпечка, салаты. Я чувствовал, что надо съесть всего хотя бы по чуть-чуть – это как на деревенской свадьбе, где обязательно надо все попробовать, иначе хозяева обидятся и начнут относиться к тебе немного свысока, считать, будто ты желудком слабоват. Так что я, подобно древним римлянам, ел все, что подавали, и периодически выходил поплевать, потом полоскал рот и шел дальше есть и пить.

Когда все закончилось, нам подали крепкий чай, зеленый какой-то, я от него удивительным образом впал в очень странное состояние – протрезвел, пришел в крайнее оживление, все мои чувства обострились. А потом началась дегустация грузинских коньяков. Оказалось, существует много разных грузинских коньяков, и все надо попробовать. Мы все как следует распробовали. Тут я допустил ошибку, за которую меня чуть не линчевали, но потом простили. Я удумал заявить, что армянский коньяк тоже неплох, на этих словах все дернулись – мол, как так?.. Я сразу сказал: мол, пардон, в Венгрии же грузинский коньяк не продают, только армянский, а по сравнению с венгерским армянский коньяк хороший, потому что венгерский – плохой и так далее, но грузинский, конечно, на порядок лучше, вообще не сравнивать. Я не знал, что грузины ненавидят армян и наоборот. Мог бы, конечно, догадаться, это же естественно, ведь румыны тоже ненавидят венгров, а венгры – румын, и словаки с венграми ненавидят друг друга. Маленьким угнетенным народам это свойственно – ненавидеть друг друга. Переводчик меня почему-то бросил, он тоже изрядно набрался и начал с кем-то там разговаривать, на тот момент компания разошлась по полной. До такой степени, что юноша-певец подошел ко мне. Он немного говорил по-английски, но тоже уже как следует напился, это было понятно по его словам: он спросил меня, как бы можно было устроить, чтобы он приехал в Венгрию и попросил там политического убежища.

Я с трудом объяснил ему, что это невозможно, единственный вариант – попробовать приехать в Венгрию с туристической группой, найти себе венгерскую девушку – парень был красавец – и жениться на ней, тогда можно будет переехать в Венгрию. Если получится. Однако степень его опьянения показывал уже тот факт, что Венгрия вдруг представилась ему настолько свободной и независимой страной, что мы якобы могли бы предоставить убежище гражданину СССР. После всего этого мы расселись по машинам, но на всякий случай нам рассовали по карманам еще по литру–другому коньяка. Тут в машинах начали петь. Мы ехали с открытыми окнами, и прекрасные грузинские напевы разносились в кавказской ночи.

В тот раз мне довелось дойти до такой степени патологического опьянения, что мы еще поднялись потом в номер к Леннарту Мери, где продолжили выпивать с моим переводчиком и женой Леннарта²⁶. Она была женщина редкой красоты, исключительно привлекательная, хоть и росту в ней было 190 сантиметров, и в какой-то момент алкогольного угара у меня сложилось твердое убеждение, будто Леннарт не муж этой женщины, будто он ее похитил, а мне надо ее спасти и утешить. К нашему приходу она уже собралась отдыхать и лежала в кровати в ночной рубашке, а мы пили за столом, и я решил, что лучше всего будет снять ботинки и забраться к ней в постель, где я моментально заснул. На следующее утро я обнаружил, что Леннарт с переводчиком перетащили меня в мой номер, положили в кровать и укрыли одеялом, а переводчик рассказал, что произошло ночью. Мне тогда было дико неловко – переводчик стал торопить: мол, идем скорее, Леннарт с женой уже ждут на завтрак. Я в ответ просил его прекратить нести чушь, ведь после такого... На что переводчик сообщил, что нет ничего естественнее, что мы все такие: как выпьем, что угодно может случиться. И действительно, Леннарт с женой были со мной чрезвычайно милы, мы даже вспоминали потом эту историю как нечто забавное. Грузины пьют, как черти, а северные люди – еще жестче. В общем, они сочли это вовсе не чем-то неприличным, а естественным дополнением к состоянию здорового алкогольного угара, способного стать хорошим анекдотом. Это мне понравилось, кстати, ведь я в ту ночь был и правда не в себе. И тут я вдруг вспомнил, о чем думал ночью, и рассказал, какая иде фикс заставила меня сделать то, что я сделал. Над этим все тоже много смеялись, и все закончилось хорошо.

После всех этих приключений мы вернулись в Москву, где я уже категорически не желал участвовать ни в каких программах, сказал, что хочу только бродить по городу. Погода была

26 С 1953-го по 1982 год женой Леннарта Мери была Регина Мери, врач по образованию, впоследствии она эмигрировала в Канаду.

плохая, и я два–три дня провел, обходя Москву пешком на социологический манер и наблюдая за тем, как люди одеты. Угнетающее впечатление произвели чистильщики обуви. Их огромное количество, что до определенной степени логично в Москве – ведь там постоянная грязь, жижа, снег, но мне больше понравилось бы, если бы не люди сидели на каждом углу, а автоматы стояли, а то чистильщиками там работали в основном пожилые старички и старушки. Они сидят в своих будочках, вокруг – кремы для обуви и щетки, а еще табуреточка, на которую человек ставит ногу, и они начинают чистить. Я один раз попробовал – не то чтобы меня интересовало, блестят у меня ботинки или нет, и это ужасное чувство, когда такая восьмидесятилетняя бабулька сторбилась и принялась начищать мне ботинки. Очень было тяжело. Я не раз смотрел, как военные взгромождают на табуреточку свои сапоги – по Москве шатаются жутко много военных, и эта каста действительно словно бы унаследовала от царских офицеров и аристократов отвратительную манеру, когда они, точно выскочки, небрежно ставят ногу, закуривают и смотрят в сторону, а когда один сапог почищен, ставят другой и потом швыряют деньги. В общем, все это абсолютно высокомерно и отвратительно. Я впал во все бóльшую депрессию. Дурная погода, постоянная слякоть – Москва и правда была просто вонючей и грязной. Последней соломинкой стало то, что я хотел позвонить Ализ²⁷, и почему-то у меня не получилось. Я начал грязно ругаться по-венгерски, и тут вдруг раздался женский голос, и какая-то дама по-венгерски сказала, что Будапешт на проводе, но линия просто не работает, и извинилась. Я еще два раза попробовал дозвониться, но поговорить не получилось, меня охватило какое-то беспросветное отчаяние, и я решил, что из этой страны надо незамедлительно уехать. На 27 день я решил: с меня хватит, и сообщил переводчику, что поговорил с женой – тот явно знал, что я не говорил с женой, – и что мне необходимо завтра же обязательно улететь домой, и пусть он это устроит как-нибудь, по-любому. Позже я из-за этого испытал угрызения совести, ведь я узнал потом, что довольно часто поезд или самолет бывает переполнен, а когда какой-то важный человек или зарубежный товарищ изъявляет желание ехать, начинают действовать привилегии, и кого-то попросту ссаживают с самолета, и человек вынужден лететь в другой день. Я это много позже узнал, и меня дико мучила совесть.

ДЁРДЬ ПЕТРИ

«ПОУЧИТЕЛЬНАЯ
И УЖАСНАЯ ПОЕЗДКА»...

М.П.: А самолет был полон?

27 Ализ Мошони (р. 1944) – венгерская писательница, журналист, на тот момент жена Дёрдя Петри. На русском языке была опубликована ее книга «Сказки из Будапешта» (2006).

ДЁРДЬ ПЕТРИ
«ПОУЧИТЕЛЬНАЯ
И УЖАСНАЯ ПОЕЗДКА»...

Д.П.: Да. Может, как раз одно место только и было. Переводчик сказал, что устроить это будет сложно, я же просил все равно меня отправить даже в таком случае, потому что мне надо срочно.

М.П.: Если бы не получилось, что было бы, что ты чувствовал?

Д.П.: Не знаю... что иначе у меня будет нервный срыв. А ведь я отнюдь не истероид, да и надо-то было дотерпеть три дня всего. Но я чувствовал, что с меня хватит.

Перевод с венгерского, введение и комментарии Оксаны Якименко